

ВСПОМИНАЯ УЧИТЕЛЯ

Анатолий Викторович Руденко

Известный кардиохирург, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент НАМН Украины, лауреат Государственной премии Украины. Ученик Н.М. Амосова. Выполнил свыше 6000 операций на сердце.

"Сегодня о нем говорят, как об одном из самых талантливых кардиохирургов клиники. Великий Амосов в интервью мне сказал, что Толя Руденко видит то, чего другие могут и не заметить. Такая оценка, согласитесь, на вес золота. Его приглашают с лекциями на симпозиумы и конгрессы, операции у заведующего отделением хирургических методов лечения коронарной недостаточности расписаны на месяц вперед, возле его кабинета всегда очередь. И как приятно слышать, а я была свидетелем таких разговоров, когда люди, уже потерявшие всякую надежду быть здоровыми, говорили о том, что заново родились благодаря таланту этого замечательного хирурга". (Э. Сабадаш)

Вопрос о выборе профессии передо мной никогда не стоял. Сколько себя помню, другой мысли, кроме как быть хирургом, у меня не было. Во всех школьных сочинениях на тему "Кем ты хочешь стать" или "Твоя будущая профессия" я всегда писал — хирургом. Во многом на мой выбор повлиял дедушка, который много лет проработал бухгалтером в районной больнице и к профессии врача всегда относился с глубочайшим уважением и почтением. О том, чтобы дети пошли в медицину, мечтала и мама. А самое главное, что мне самому очень нравилась эта специальность. Врачи — люди в белых халатах — в этом присутствовала какая-то романтика. Помню, как зачитывался повестью Н.М. Амосова "Мысли и сердце". Хотя, конечно, о кардиохирургии я тогда и мечтать не мог. Это было слишком высоко и недоступно. Думал о более приземленных вещах — районная больница, грыжи, аппендициты, что-то в этом роде...

Познакомился я с Николаем Михайловичем Амосовым в 1978 году. Я хотел стать общим хирургом. Так получилось, что я был распределен в интернатуру в одну из больниц скорой медицинской помощи Черкасской области. А эту больницу на то время расформировали. У меня была возможность устроиться в больницу в соседнем городке, но в качестве травматолога. А я хотел все-таки заниматься общей хирургией. Знакомые посоветовали поехать в Киев. В тот период клиника Амосова значительно расширилась, построили новый корпус, и была потребность в новых специалистах. Я тогда и подумать не мог, что стану кардиохирургом. Но, тем не менее, я пошел к Геннадию Васильевичу Кнышову. Он тогда заведовал отделением, которым я сейчас руковожу. И также зашел к Николаю Михайловичу Амосову. Он в то время был директором клиники кардиохирургии. Институт был создан немногим позже. Я представился и попросил взять меня на работу. Николай Михайлович мне на это сказал: "Все от нас бегут, а ты хочешь у нас работать? Оно тебе надо? Это ведь тяжелая работа". Я настаивал, и он согласился взять меня в клинику. Наш разговор занял не более трех минут.

Как первый учитель помнится по первому уроку, так и кардиохирург — по

первому ассистированию. Так получилось, что уже через несколько дней после моего появления в Институте меня поставили на операцию к Н.М. Амосову вторым ассистентом. Конечно, я многого не умел и делал ошибки. А на замечания Амосова возражал, что так, как я делаю, лучше и правильнее. Излишне деликатным, мягко говоря, Николай Михайлович никогда не был. И по рукам ассистенту мог дать, и инструменты по операционной летали. Да и слова резкие достаточно громко могли звучать в операционной в сложных ситуациях. Но тогда почему-то он промолчал, только покачал головой — мол, что с тебя, "салаги", возьмешь, зеленый еще. Я на его месте своих нынешних ассистентов, честно говоря, не пожаловал бы за подобные замечания. Больше тридцати лет прошло, а вроде вчера было...

Амосов был жестким, и жесткость эта себя не раз оправдала, не щадил ни себя, ни своих подопечных. Впрочем, таковым и должен быть лидер.

Как тридцать лет назад, так и сейчас, того ритма работы, той нагрузки, которую он "узаконил", нет нигде. Мы делаем свыше 5000 операций в год. Операции начинаются с 7-8 утра и продолжаются до 21-22 часов. В тот год, когда я пришел в Институт, со мной пришли еще семь врачей из моего выпуска. Сегодня из восьми в Институте остался я один. "Бегут" и сегодня. Кто — не выдерживает темпа работы, а кто — хочет самостоятельности, ибо на всех ее не хватает. И сегодня наш специалист — это специалист высокого класса, Амосовской закалки и Амосовского полета, поэтому востребован в каждой крупной клинике нашей страны и за рубежом.

Николай Михайлович поражал меня своей тягой к знаниям. До появления компьютеров, чтобы узнать что-либо в какой-либо отрасли, надо было выискивать информацию в книгах, журналах — днями, неделями, месяцами. Читал он много. И других заставлял следить за новинками. Не знаю, то ли для того, чтобы стимулировать обучение сотрудников, то ли в силу того, что физически было невозможно поспеть за всем массивом мировой информации в самых разных сферах кардиологии, но в 80-х годах им были "узаконены" институтские семинары. На них докладчики, перелопатившие горы литературы, анализировали какой-либо узкий вопрос медицины (например, изменение газообмена при сердечной недостаточности), а затем все могли задавать докладчику вопросы, участвовать в дискуссии. Начинание стало очень полезным, особенно для молодежи.

Было очень интересно работать. Все было внове. Кардиохирургия очень отличалась от общей хирургии. Другой уровень технологий, напряжение при операциях. К сожалению, очень высокой оставалась летальность. В то время в кардиохирургии умирало очень много пациентов. И Николай Михайлович сильно переживал, когда случались неудачи, осложнения, летальные исходы. При некоторых видах операций летальность достигала 30%. Сегодня себе такое даже трудно представить. Но подобное происходило не только в нашей клинике. В то время, в 1970-х годах, такая статистика наблюдалась во всем мире. И каждый раз, если возникало осложнение, которое могло быть связано с ошибкой врача, Николай Михайлович отчитывал виновного очень жестко, часто увольнял. Для него не было людей вне критики, которые бы в любой ситуации чувствовали себя

защищенными от вины за ошибку. Возможно, не всегда он был прав. Но его критика, его нелицеприятное отношение оправдывалось желанием работать только во благо больного. Наверное, по-другому вести себя и нельзя было. Он как руководитель должен был быть жестким. Если у человека не получается выполнять работу хорошо и возникают конфликты, то с таким сотрудником нужно расставаться.

Потом постепенно показатели работы начали улучшаться. Стали получаться те операции, которые ранее заканчивались неудачно. Понемножку ситуация менялась в лучшую сторону. Он был очень заинтересован, когда я, приехав из Германии, где был на стажировке, рассказывал, какие там делают операции, какой уровень оборудования, что нет ограничений по возрасту для кардиохирургических операций. На то время, к сожалению, у нас не было той аппаратуры, которая была за границей, того обеспечения для проведения наркоза. Но, несмотря на все это, у нас были хорошие результаты. Ранее коронарные операции тоже были проблемными. И когда я в начале двухтысячных годов начал оперировать на работающем сердце, мы снизили летальность в десятки раз. Николай Михайлович очень радовался этим успехам. Даже отойдя от активной хирургии, он переживал за нас, продолжал интересоваться всеми новинками хирургии. Он радовался успехам своих учеников.

Николай Михайлович очень много читал, у него была прекрасная библиотека. При этом он читал книги не только по кибернетике, философии, но и продолжал интересоваться достижениями современной медицины, хирургии, в частности, кардиохирургии. Он любил жизнь.

Когда он заболел — у него проявился тяжелый порок сердца, — он не смог активно заниматься работой. Встал вопрос о необходимости операции. Мы предложили ему поехать оперироваться в Германию в клинику к профессору, у которого я проходил ранее стажировку, так как там была аппаратура, позволяющая выполнять операции пациентам старше 80 лет. Мы убедили Николая Михайловича в правильности такого решения. Он с нами согласился, и в этой ситуации он проявил себя уже как пациент. Когда человек, который всегда вел активный образ жизни, заболевает и возникает необходимость в строгом ограничении режима, это всегда серьезное испытание. Операция была очень тяжелой. Тем не менее, он достаточно спокойно держался, был послушным пациентом. Наверное, он был уверен, что попал в руки профессионалов. Я не увидел переживания, паники в его глазах, несмотря на крайнюю серьезность операции. Он держался очень мужественно, стеснялся лишней раз беспокоить медперсонал. После успешной операции он продолжил вести активный образ жизни.

По отношению к работе в клинике после ухода из активной хирургии у него был принцип невмешательства. Он старался не навязывать свое мнение, но если его просили о помощи, о консультации, он никогда не отказывал. Это ведь очень мужественный поступок — в 75 лет, будучи активным хирургом, отказаться от хирургической деятельности. Он тогда говорил: "Я еще могу оперировать, я это чувствую. Но что, если с пациентом что-то случится? Тогда скажут, почему старик оперировал, почему не дал молодому". Он принял такое сложное для хирурга решение по моральным соображениям, отказался от того, чем занимался всю свою

жизнь. Это очень тяжело для любого хирурга, ведь хирургия — это жизнь. Он отказался от операций в тот момент, когда еще был полон сил, когда каждый пациент клиники мечтал оперироваться именно у него.

Николай Михайлович действительно был незаурядной личностью, гениальным человеком. Он даже был немножко человеком не из своего времени — по требованиям, по разработкам. Он мыслил категориями будущего.

Николай Михайлович проводил тесты и экзамены для поддержания высокого уровня знаний среди своих сотрудников. Для него не существовало никакой разницы, кто перед ним: профессор или обычный врач. Он предъявлял жесткие требования к знаниям. Был, возможно, авторитарным. Но его тактика давала отличные результаты. И это не значит, что нельзя было оспорить его мнение. Если человек обоснованно мог доказать свою правоту, Николай Михайлович никогда не настаивал.

Он все время работал, читал, был разносторонне образованным человеком, очень открытым для людей. Созданная им клиника, аппарат искусственного кровообращения — это уникальные достижения кардиохирургии в Украине. Когда Амосов поехал оперироваться в Германию, то немецкому хирургу, профессору, который его оперировал, он подарил свои книги на немецком языке. Немецкий коллега тогда не знал, кто перед ним. И когда из Германии он приехал в Украину на кардиохирургическую научную конференцию, Николай Михайлович пригласил немецких коллег к себе домой и показал им американскую книгу о тридцати пионерах кардиохирургии. От Советского Союза в ней был представлен только Амосов. Немецкие коллеги были поражены. Никто из них не был представлен в данной книге. Правда, Николай Михайлович в Институте эту книгу никому не показывал.

Николай Михайлович Амосов действительно был пионером, который начинал, когда не у кого было учиться, не с кем было посоветоваться. Приходилось все постигать, создавать самому. Сейчас разработанный им аппарат искусственного кровообращения — это уже история. Но в свое время благодаря ему спасли тысячи жизней. Его разработки клапанов, методики их вшивания, пластики клапана с антитромботическим барьером позволили в разы уменьшить риск осложнений, тромбозов. Все это надо было пройти, нужно было знать, обладать знаниями в различных науках.

Ведь изначально во многих областных городах Украины создавались центры кардиохирургии. Но, к сожалению, из-за высокой летальности все они угасли, и сохранилась только клиника Амосова. Институт в то время выполнял более пяти тысяч операций в год. В мире можно пересчитать на пальцах клиники, где даже сейчас выполняется подобный объем вмешательств. Мы опережали Институт сердечно-сосудистой хирургии имени А.Н. Бакулева в Москве, и результаты у нас были лучше. На сегодня наш Институт действительно один из мировых лидеров кардиохирургии. Это наша история, этого уже никто у нас не отнимет.

Николай Михайлович был и простой, и сложный. Он был диктатором в хирургии, но открытым по отношению к людям. К нему в любой момент можно было попасть в кабинет без предварительной записи у секретаря. Сложный он был потому, что при плохой работе мог призвать к ответу любого. У него не было

любимчиков, которым бы он прощал ошибки. Он очень иронично относился ко многим вещам, обладал чувством юмора, был не чужд самокритики. Скептически он относился ко всему, особенно к отечественным публикациям по поводу "уникальных" достижений. И, как показывает опыт, правильно делал.

Если бы не Амосов, такого уровня кардиохирургии в Украине, такого стремительного ее развития не было бы. Он является примером роли личности в истории кардиохирургии Украины. Сегодня существует профессиональная школа Николая Михайловича. В Институте выполняются все виды кардиохирургических операций, которые существуют в мире. И это заслуга Николая Михайловича Амосова.

2013 г.

"Николай Амосов. Воспоминания современников"
Киев, Издательский дом "Личности", 2015